

Хотят ли женщины войны? (случай Украины)

Сергей Жеребкин

В отличие от традиционно антимилитаристской позиции международного феминизма и женского движения (характерный пример – деятельность международной организации «Женщины в черном», призывающей во время балканских, израильско-палестинских и других современных войн скорбеть о погибших с обеих сторон), в украинском феминизме послемайданного периода интенсифицируется дискурс милитаризма, в котором война не только осуждается, но понимается в качестве легитимной составляющей современной политики. В терминах этого дискурса главным достижением борьбы за гендерное равенство в Украине является принятие министерством обороны Украины закона, позволяющего – по аналогии с советским прошлым – женщинам-военнослужащим назначаться на должности, связанные с боевыми действиями.¹

Эту милитаристскую позицию представляют такие украинские женские НКО как «Институт гендерных программ», «Центр развития демократии» и др., а также такие женские инициативы как «Женская сотня», «Невидимый батальон»² и др., с которыми солидаризируется даже украинское отделение «Международной женской лиги за мир и свободу» (Women's international league for peace and freedom)³ – ведущей международной женской антивоенной организации, уставной целью которой является объединение женщин в ненасильственной борьбе за мир во всем мире, однако в Украине поддерживающей политики милитаризации женского движения.⁴

Яркой демонстрацией популярности идей милитаристского феминизма в Украине стала конференция «Гендер в революции, войне и миротворчестве» 6–8 октября 2017 года в Одессе на базе Одесского педагогического университета, поддержанная в том числе командованием батальона Донбас-Украина,⁵ ключевой повесткой которой был вопрос о легализации участия украинских женщин в военных действиях, учитывая, что на Майдане

женщины также «привлекались к парамилитарной деятельности, основав несколько различных женских сотен».⁶

В дискурсе украинского милитаристского феминизма участие женщин в войне представляется, во-первых, как деятельность «миротворческого» характера, осуществляющаяся в соответствии с резко критикуемой в западной феминистской теории резолюцией Совета безопасности ООН №1325 «Женщины. Мир. Безопасность»⁷ за то, что она концептуализирует и интерпретирует гендер и безопасность в такой форме, которая делает возможной 1) «присваивание феминизма в милитаристских целях» (критикуемый западными феминистками принцип «добавь женщин и взболтай»),⁸ а также 2) служит легитимации фундаментально националистического политического порядка; во-вторых, как процесс «демократизации» и «европеизации» Украины посредством её сближения в сфере милитаризации со странами НАТО, в которых женщины уже давно не просто, как в СССР, массово служат в армии, но и занимают должности военных министров.⁹

В то же время парадоксы логики украинского милитаристского феминизма можно попытаться описать в терминах известной философской логики гегелевской диалектики Господина и раба/слуги (*die Herr-Knecht-Dialektik*) в которой, во-первых, для раба ситуация абсолютной зависимости и непризнания парадоксальным образом оказывается ситуацией признания¹⁰ и, во-вторых, эмансипация раба имеет по видимости мирный характер, несмотря на антагонизм с Господином. Эта парадоксальная эмансипация раба оказывается возможной у Гегеля потому, что раб у него изначально полагается как «мирный» (подобно тому, как женский субъект полагается одомашненным в патриархальной культуре), в отличие от воинственного, сражающегося за признание Господина.¹¹ Поэтому любые усилия раба, направленные на эмансипацию и признание, маркируются Гегелем как аффирмативные (труд) и «мирные» («миротворческие»)¹² – в каком бы качестве раб не служил Господину (даже если в качестве солдата, как, например, украинские крестьяне в эпоху козачества, которые были вынуждены быть рабами польских помещиков не только как крепостные работники, но и как военные (т.н. «реестровое козачество»)).¹³ В результате Гегель делает парадоксальный вывод, во-первых, о том, что раб как субъект, способный к самосовершенствованию, оказывается более успешным в борьбе за признание чем Господин, во-вторых, о возможности снятия, примирения самого конфликта между рабом и Господином и установление взаимопонимания и даже, можно сказать, равенства между ними. Если экстраполировать эту логику на ситуацию украинских женщин-военных, участвующих в боевых действиях, можно вновь повторить, что они, занимаясь такого типа

«миротворческим» трудом, 1) «присваивают феминизм в милитаристских целях», а также 2) обеспечивают легитимацию государственного национализма. Процесс «демократизации» и «европеизации» Украины в этой логике происходит посредством её сближения в сфере милитаризации со странами НАТО.

В современной политической теории подобная логика снятия и рационального регулирования социальных конфликтов представлена в инициированных Ю. Хабермасом теориях делиберативной демократии, ориентированных на возможность рационального консенсуса, достигаемого средствами рационального дискурса, обсуждения, убеждения, аргументации, компромиссов. Один из идеологов создания Евросоюза Хабермас представлял ЕС как проект делиберативной демократии, позволяющий осуществлять демократическую политику в форме космополитического сотрудничества европейских стран вне рамок нации-государства и на этой теоретической основе осуществлять постнациональный проект Европы.¹⁴ Однако, как продемонстрировала практика функционирования ЕС и его институций, попытки европейских политиков преодолеть антагонизмы, связанные со структурой нации-государства, влекут за собой, как отмечает Дж. Батлер, неолиберальную глобализацию и неравенства нового порядка,¹⁵ которые сегодня эффективно используют правые силы в Европе, проводя массовую антидемократическую политическую мобилизацию. Поэтому современные левые теории демократии – такие как теория радикальной демократии (Э. Лаклау и М. Муфф), теория демократических политик как диссенсуса (Ж. Рансьер), теория аверсивной демократии (А. Норваль) и др. – предлагают альтернативную хабермасовской версию демократии, рассматривающую антагонизм как неискоренимое измерение политики, как онтологическое условие, имеющее, как отмечает Норваль, решающее значение для формации демократических режимов.¹⁶

В терминах гегелевской диалектики Господина и раба нередуцируемость измерения антагонизма в политике акцентируется в её кожевско-лакановской версии, в которой Господин и раб понимаются как конституируемые измерением онтологической негативности субъекты желания, которые находятся в отношении неразрешимого конфликта, то есть антагонизма, исключающего возможность их примирения.¹⁷ В этой версии симптомом онтологической негативности в субъективности Господина выступает не только непреодолимая нехватка признания, приносящая ему мучительные страдания, но также переживание абсолютной сингулярности этой нехватки, невозможности разделить её с другим–рабом. В воображении Господина раб не может и не желает понять и разделить его, Господина, идентифика-

ционные муки, будучи уверенным в том, что Господин отнюдь не страдает от нехватки признания, а ведет комфортную обывательскую жизнь, наслаждаясь ею в качестве потребителя. В свою очередь раб не может признать, что описываемая Гегелем решимость Господина сражаться не на жизнь, а на смерть – это не привилегия Господина, а его тяжкий крест, на который он обречен, преследуемый невосполнимой нехваткой признания.¹⁸

Раб в результате убежден, что Господин украл у него возможность наслаждения войной (см. понятие «украденного наслаждения» в критике националистической идеологии Славоем Жижекком¹⁹). Шекспир (важный источник диалектики раба и Господина не только для Гегеля) с юмором передает «рабскую» точку зрения на мир и войну в трагедии «Кориолан». «Война – лучше мира, как день лучше ночи, – читаем у Шекспира. – Во время войны живешь весело: то тебе новый слух, то новое известие. А мир – это вроде спячки или паралича: скучно, пусто, тоскливо».²⁰ Ситуация взаимоотношений Господина и раба в кожевско-лакановской версии может быть описана не в терминах совместного бытия, а скорее – лакановского Реального, которое, как отмечает Аленка Зупанчич, представляет собой не бытие, а состояние неразрешимости, западни, в условиях которой политическое функционирует как «политика невозможных отношений».²¹

Шекспир в «Кориолане» показывает абсолютное несовпадение понимания войны, с одной стороны, аристократом – римским полководцем Каем Марцием Кориоланом, а, с другой стороны, плебеями-слугами. Одержав героическую победу над врагами Рима, Кориолан пытается стать консулом, но вместо этого осуждается на изгнание римским плебсом, поддержавшим его противников. Чтобы восстановить свою «господскую» честь, Кориолан принимает решение вступить в союз с врагами Рима и возглавить их поход на Рим. Но после того, как его матери удается внушить ему, что заключив мир с римлянами, а не с его врагами, и сохранив родной город, он совершит еще более благородный «господский» поступок, Кориолан выбирает мир вместо войны. Однако эти трагические переживания и выборы аристократа Кориолана не фиксируются с точки зрения слуг. Рабы не воспринимают проблематику чести и воображают, что война – высшее наслаждение Господина, которого они лишены. Поэтому рабы радуются началу новой войны: «Что хорошего в мирном времени? – рассуждают они. – Только железо ржавеет, портные разведятся да стихоплеты плодятся».²² Поэтому когда они узнают, что Кориолан отказался воевать и выбрал мир, они убивают его. Шекспир, таким образом, мыслит в данном случае как марксист. Ведь непримиримый антагонизм и несоразмерность реальности угнетенных и угнетателей, или центра и периферии в терминах теории мирсистемного

анализа, когда диспропорция стран центра и периферии нередуцируема ни к каким типам равенства, является необходимым условием поддержания устойчивости капиталистической мирсистемы.

В современной философии известный проект, направленный на то, чтобы осуществить деконструкцию диалектики раба и господина и вырваться из её железной хватки, был разработан Жилем Делёзом как проект создания нового мира – мира абсолютной имманентности, в котором становится возможной радикальная трансформация, «метаморфозис» человеческой субъективности из рабской, конституированной онтологией нехватки и компенсаторной морали в эмансипаторную, не признающую отношений господства и рабства.

В результате в мире абсолютной имманентности онтологическое состояние субъективности – не бытие, а становление, не страдание от нехватки, а наслаждение и празднование собственной сингулярности как избытка и трансформизма. В дискурсе украинского национализма этот эмансипаторный топос, где нет рабов и онтологии нехватки, а все граждане – господа в состоянии онтологического избытка и трансформизма – принадлежит к топосу «Европы», а топос «России» маркируется как «анти-Европа», где все граждане – рабы. В этом дискурсе задача «Прощай, немытая Россия» – это не просто формальная задача административной переориентации экономических и торговых связей и т.п. (от «таможенного союза» и СНГ к ассоциации с ЕС), а задача философская – 1) прежде всего радикальной трансформации субъективности, иначе говоря, задача «становления европейцем» в делёзовском смысле как становление другим, не схваченным в бинарных терминах «центр» – «периферия» и др., а также 2) философская необходимость ретроактивно изменить свою историю как историю угнетенных, или, в терминах Делёза, осуществить её «психотическую ресигнификацию». В результате задача отделения «украинского аристократического панства»²³ от «немытой России» означает возможность и необходимость философского доказательства, что «немытыми» гегелевско-пушкинскими рабами были только русские. Другими словами, «становление европейцем» в дискурсе украинского национализма – это не эссенциалистский, а негативный, отрицающий – как у Деррида или Делёза – эссенциалистские категории логический жест. Как формулирует этот антиэссенциалистский жест ресигнификации Юрий Андрухович: «Вообще, братание между народами никогда ничего хорошего не предвещает, особенно если речь идет об украинцах и россиянах. Нас отличает категорическое нежелание жить в рабстве. Украинцы лучше пойдут в партизаны, чем будут мириться с про-

изволом самодержца. Россиянам же, наоборот, нужен тиран, который бы держал их в узде и не давал шалить. Мне кажется, мы с разных планет».²⁴

Реальный шанс реализовать проект эмансипаторного делёзовского становления другим (а именно «становление европейцем») и осуществить ресигнификацию истории Украины из «истории угнетенных» (как онтологию нехватки) в «историю господ» (онтологию избытка), казалось, представился накануне 2-й мировой войны, когда, по мнению сторонников украинской национальной независимости, в ситуации политической нестабильности и кризиса в Европе сложилась революционная ситуация, создавшая предпосылки для украинской «националистической революции» (Д.Донцов) и создания независимого украинского государства. В качестве наиболее вероятного европейского союзника для украинского национально-освободительного движения и его интеллектуальных вождей в этот «революционный момент» виделась национал-социалистическая Германия,²⁵ которая также стремилась вернуть себе утраченное после 1-й мировой войны национальное величие и у которой с украинцами тогда были общие враги – Польша, в состав которой после распада Австро-Венгрии вошли территории, населенные украинцами, и, конечно, СССР, оккупировавший территории центральной, восточной, а с 1939 года и западной Украины.

Чтобы провести массовую мобилизацию политической субъективности, необходимую для осуществления «националистической революции», украинским борцам за национальную независимость необходимо было, во-первых, создать боевую политическую организацию, способную мобилизовать и направлять националистическое движение, а, во-вторых, разработать националистическую идеологию, обладающую необходимым мобилизационным потенциалом. Роль боевой политической организации сыграла «Организация украинских националистов» (ОУН), в которую активно включились украинские женщины, прежде всего члены ведущей женской организации «Союз украинок», многие из которых стали активными участницами террористических акций ОУН против польского правительства.²⁶ В создании мобилизующей украинской националистической идеологии ведущую роль сыграла концепция «деятельного национализма» Дмитра Донцова (1883-1972), талантливого украинского историка и публициста ницшеанской ориентации, который в своих книгах *Национализм* (1926), *Дух нашей старины* (1943) и др. в яркой афористичной форме сформулировал, что для совершения украинской националистической революции необходим национализм нового типа – так называемый «деятельный национализм», порывающий с традициями старого, так называемого «хуторянского украинского национализма» (который Донцов ассоциирует с

народно-демократическими традициями, прежде всего с идеями М. Драгоманова), основывающегося на ценностях мирного существования, компромисса и выживания, т.е. «рабских» ценностях в терминах гегелевской диалектики раба и Господина. Донцов называл такой тип национализма «плебейским», субъектом которого является не воин-патриот, но потребитель и обыватель, «любитель домашних забот и мирной жизни, привязанный к своему углу», идеал которого – «быть черепахой, сидеть тихо и головы не высовывать».²⁷

Альтернативный миролюбивому плебейскому национализму «деятельный национализм» должен, по убеждению Донцова, делать ставку не на широкие слои народа – «холопскую массу», а на «касту лучших людей» или на «расу избранных» – «нордическую». По определению Донцова, нордическая украинская раса есть, по его мнению, «панская раса, которая носит в себе стремление и пристрастие перекраивать мир и давать ему свои законы, свою правду».²⁸ Это и есть, по мнению Донцова, основные характеристики сущности украинской этничности. Чертами нордической расы, по мнению Донцова, обладали «степные рыцари» – запорожские козаки, характер которых – «горячий, искренний и необузданный, с огромным избытком сил физических и моральных», близок воинственному духу немецких рыцарей.²⁹ Именно им обладали и князья Киевской Руси.³⁰ В позднейшей украинской культуре этот типаж представлен, по мнению Донцова, прежде всего Тарасом Шевченко с его кредо «караюсь, мучусь..., але не каюсь» и Лесей Украинкой, – «единственным мужчиной в украинской литературе» (определение Д. Донцова), а также Иваном Франко, правда только «в минуты просветления», когда он отказывается от своих народно-демократических призывов «перековать мечи на мирные плуги», чтобы достичь «прогресса и счастья» и восстает против идеалов «плебейского благоденствия» и «московского холопофильства».³¹

Активисты ОУН под руководством Степана Бандеры, у которого *Национализм* Донцова был настольной книгой, попытались реализовать идеи Донцова на практике в союзе с «нордийцами» фашистской Германии. Весной 1941 года они сформировали под кураторством Абвера два батальона с нордическими «господскими» именами «Роланд» и «Нахтигаль», а в ночь на 30 июня 1941 года батальон «Нахтигаль» вступил во Львов с частями вермахта. В тот же день соратники Бандеры во главе с Ярославом Стецько на собрании в львовском оперном театре провозгласили «Акт возрождения Украинского государства», в котором было объявлено создание «Украинского Государства, союзного Великой Германии во главе с вождем Степаном Бандерой».³²

Однако немецкие нацисты, как известно, отказались признавать украинских националистов в качестве самостоятельных союзников. Узнав о провозглашении ОУН союзного с Германией украинского государства, Гитлер, также известный поклонник Ницше и ценностей нордической расы, Донцова, естественно, не читавший, пришёл в бешенство от посягательств украинцев на «господский» статус и приказал «растоптать тех, кто допустил это славянское свинство». ³³ 5 июля Степан Бандера и ещё 300 членов ОУН были арестованы. На допросе Бандеры государственный подсекретарь Райха Кундт уточнил по поводу «Акта возрождения Украинского государства»: «Здесь идёт речь о том, что немецкий Райх и немецкий вермахт являются их [украинских вооружённых сил – С.Ж.] союзниками. Это не так: единственный человек, который ведёт борьбу – это фюрер, а *украинских союзников не существует* [курсив мой – С.Ж.]». ³⁴

Почему? Очевидно не только потому, что Гитлер не читал Донцова и не знал о нордических корнях украинцев. По-видимому, решающую роль сыграло разное понимание националистической революции. В версии украинских националистов из ОУН задачи националистической революции фактически сводились к задачам национально-освободительного движения с конечной целью создания собственного независимого государства, в котором украинцы стали бы титульной нацией с титульными государственными языком и культурой. В отличие от этого проекта, немецкие «рыцари» представляли националистическую революцию, исходя из концепции «консервативной революции» (Э. Юнгер, А. Мёллер, В. Кляйнау и др.), горячим сторонником которой был Гитлер. Этот тип революции может быть определен как «негативная революция», цели которой формулируются только негативно, через отрицание позитивных предикатов – а именно через антилиберализм, антикоммунизм, антиреспубликанство и др. (подобно характеристикам бога в негативной теологии) и не сводятся к партикулярным задачам. Условием успеха националистической революции, понимаемой в терминах теории консервативной революции, является не партия как структурированная институция и не программа со списком требований, а движение, репрезентирующее единство «народного духа»: ведь подлинный национализм, по словам Юнгера, начинается «не с программ и партий». Кляйнау с энтузиазмом цитирует высказывание Муссолини о том, что если бы фашизм обладал политической программой, он потерпел бы фиаско: «Фашизм обладает чем-то более ценным, чем программа, – волей к действию». ³⁵ (Собственно, как и политические стратегии движения Окупай, мобилизационный потенциал которых, по мнению Дж. Батлер,

заключался в отказе выдвигать программные требования в адрес определенной власти).³⁶

С точки зрения концепции «негативной революции», украинский проект националистической революции с её партикулярными национально-освободительными задачами представлялся немецким лидерам таким же меркантильно плебейским («свинским» в терминах Гитлера), как и критикуемое Донцовым «хуторянство», т.е. как пародия на радикальную националистическую революцию фашистского типа. «Хуторянский национализм» подменяет фашизм локальными национальными интересами, не пригодными для того, чтобы обеспечить массовую политическую мобилизацию на основе широкой цепи эквивалентностей.

В итоге в октябре 1941 года украинский личный состав батальона «Нахтигалья» был объединён с личным составом батальона «Роланд» и переведен в статус охранной полиции (шутцманшафта, или «полицаяев») для ведения антипартизанских действий на территории Белоруссии, а в декабре 1942 года украинское «рыцарское» подразделение было вообще расформировано. В дальнейшем в ходе 2-й мировой войны украинцы мобилизовывались в немецкую армию только под немецким командованием (как в случае дивизии СС «Галичина») и для вспомогательных задач, – в частности, для борьбы с партизанами и в качестве расстрельных команд («украинская вспомогательная полиция»). Например, им поручали расстреливать еврейских детей, как в известном случае расстрела 90 еврейских детей украинской вспомогательной полицией в Белой Церкви в сентябре 1941 года (по показаниям офицеров-эсэсовцев, «чтобы пощадить чувства зондеркоманды СС, расстреливать детей поручили украинским националистам».³⁷

И как впоследствии лидеры ОУН не пытались всячески доказать свою преданность и восхищение немецкими национал-социалистами и установить сотрудничество с новой оккупационной властью, им так и не удалось осуществить свои мечты о возрождении украинской культуры в освобожденной немцами от советских войск Украине – даже несмотря на активное участие в проводимой немецкой администрацией политике Холокоста. Например, в редакционной статье *Українського слова*, издававшейся с 1941 года под редакцией украинского журналиста, члена ОУН Ивана Рогача, занятие Киева немцами приветствовалось такими словами: «Свершилось! Долгожданная, выстраданная мечта всех украинских сердец осуществилась 19 сентября 1941 года. Радуйся, Украина! Твоя столица, твоя святыня, княжий город Киев навсегда освобожден от красно-московского наездника. Радуйся, украинский народ. А вы, украинские девочки, сыпьте цветы под ноги ясноволосым немецким лыцарям, которые своими геройс-

кими усилиями вернули Украине её символ – столицу. Забрасывайте цветами танки и пушки! Они самому большому врагу украинского народа несут погибель и смерть. Украине же – лучшее будущее». ³⁸ Практически в каждом номере *Українського слова* публиковались материалы, разоблачавшие мировой еврейский заговор под красноречивыми заглавиями, такими как «Жиды – найбільший ворог людства» и призывавшими всячески поддерживать политику немецко-фашистской администрации в отношении евреев. В публикациях газеты подчеркивалось, что с приходом фашистов украинцы освободились от двойного гнета – во-первых, от гнета тоталитарной советской власти, а, во-вторых, от национального угнетения, осуществлявшегося евреями – «опорой советской власти». «Вообще все богатые жиды убежали и оставили сотни тысяч своих соплеменников, – сообщали журналисты *Українського слова*. – Они ходят теперь как духи по улицам и стараются вычитать на наших лицах, будет ли им какое-то милосердие. Украинцы резко выделяются из толпы. С них упали жидовские оковы. Одно сознание этого дает им чувство облегчения, которое они хотят как-то выразить». ³⁹

Рогач и его коллеги надеялись, что благодаря выражению безоговорочной поддержки политике немецко-фашистской власти им удастся установить отношения сотрудничества и заключить союз с «ясноволосям немецкими лыцарями», чтобы публиковать в своей газете материалы, касающиеся украинской культуры и украинской истории (тщетная надежда раба на то, что гегелевский Господин трансформируется в кожевского и позволит рабу хотя бы «маленькое национальное наслаждение»). Однако союза не получилось, и уже в феврале 1942 года Иван Рогач вместе с сестрой Ганной, которая также была сотрудницей *Українського слова* и активно выступала с критикой «мирового жидовства», были расстреляны. Более того, вместе с Иваном Рогачем и Ганной, была арестована вся редколлегия газеты. Вскоре они были расстреляны немецкими солдатами («лучшими друзьями украинцев», по словам Рогача) на том же месте, где и их враги украинские евреи – трагически знаменитом «Бабьем яру».

Современный этап националистической революции в Украине также, как и накануне 2-й мировой войны, позиционирует себя как трансформативный проект «становления Европой», идеология которой за это время принципиально изменилась. Сегодня официальная идеология ЕС – либеральная демократия, а отнюдь не фашизм. Почему же тогда в представлении украинских феминисток и гендерных исследовательниц европейские ценности вновь соединяются с милитаризмом? Этот парадокс фиксируют даже гендерно чувствительные украинские левые либералы из журнала *Спільне*,

выражающие недоумение по поводу таких способов борьбы за гендерное равенство. Например, Тарас Саламанюк искренне недоумевает: «О каком равенстве здесь идет речь? О праве наравне с мужчинами организовывать убийства «вражеских» женщин и мужчин под другими национальными знаменами, защищая таким образом свою патриархальную и капиталистическую родину? Воистину для исследований гендерного равенства в Украине существуют другие, гораздо более перспективные направления».⁴⁰

Безусловно, большой вклад в формирование ассамбляжной идеологии милитаризма в Украине внесли украинские интеллектуалы («органические интеллектуалы», в терминах Грамши, а позже Лаклау и Муфф) – прежде всего украинские писатели, которые реализовали донцовский проект «украинского панства» уже в постмодернистских условиях. Функция органических интеллектуалов, согласно Лаклау и Муфф, заключается в том, чтобы, во-первых, сформировать политическое воображаемое, имеющее структуру пустого означающего, компенсирующего и одновременно поддерживающего функционирование политического субъекта как субъекта нехватки, и, во-вторых, структурировать политическую логику в терминах бинарной оппозиции «мы» – «они», что является необходимым условием массовой политической мобилизации. Славой Жижек, применяя теорию Лаклау и Муфф к феномену националистической мобилизации, дополняет их понятие политического воображаемого лакановским понятием наслаждения как структуры нехватки и избытка одновременно. В этом контексте Жижек уточняет, что нация парадоксальным образом «существует только до тех пор, пока существует ее специфическое наслаждение», которому угрожает «наслаждение другого», неизбежно выступающее старым дестабилизирующим травматическим фактором даже в новых постмодернистских стратегиях национальной политической субъективации.⁴¹

Все эти годы после распада СССР ведущие украинские писатели – Оксана Забужко, Юрий Андрухович и др., которые одновременно с украинской партийной номенклатурой быстро трансформировались из коммунистов в националистов (особенно бывшая член КПСС Забужко), представляли в своих произведениях образ особого типа субъективности, сформировавшейся в восточных регионах Украины. Они называли людей своей же страны в терминах речи-ненависти «донецкими», «ватниками», неизлечимо, по их мнению, инфицированными «рабским» духом Российской империи и тоталитарного «совка» («империи зла», «Мордора»), с их особым, свойственным только этому типу субъективности низким, вульгарным наслаждением криминального, фактически неантропологического типа (наслаждение бандитизмом, алкоголизмом, грубым русским языком

– «языком попсы и блатняка», занимающим, по сведениям Андруховича, 34-е место в мире по благозвучности, после языка суахили⁴²), которому противопоставляется образ высокого, благородного типа субъективности, связанного с украинской культурой и языком («нежной соловьиной мовой» (Андрухович)⁴³) и наслаждением интеллектуального характера. Развивая в новых постмодернистских условиях логику Донцова, постсоветские украинские писатели утверждают, что этот тип нордического, аристократического, «шляхетного» наслаждения в принципе не мог состояться в имперской России, где никогда не было ни настоящего дворянства (которое существовало в Украине в форме польской шляхты), ни интеллигенции (не позволял «рабский дух»), ни «великой» литературы (Пушкин и др. – плагиат),⁴⁴ в отличие от самого Донцова, который считал, что в России господская/дворянская культура всё-таки существовала, но закончилась, когда «в царской России появились анархисты и гуманисты типа графа Л.Толстого или писатели народники».⁴⁵

После Евромайдана и начала АТО восточноукраинские субъекты маркируются украинскими органическими интеллектуалами как «ватники» (писательница Ирэна Карпа даже начала выпускать специальные «анти-ватнические» агитационные мультфильмы, высмеивающие «плебейскую» часть населения своей страны⁴⁶), «колорады», зомбированные идеологией «русского мира» и организовавшие псевдо-революцию – «антимайдан» (или «революцию птушников»), не имеющую ничего общего с героическим украинским Майданом – «революцией достоинства», утверждающей благородные «господские» ценности.

Поэтому уничтожать этих неантропологических субъектов, давить «колорадов» и т.п. – означает осуществлять не убийство, а просто процедуры гигиенического очищения.

В начале 2000-х в украинской литературе была предпринята попытка представить маргинализированное и люмпенизированное население восточной Украины в качестве номадических субъектов, обладающих мощным эмансипаторным и креативным потенциалом. Этот проект попытался реализовать родившийся на луганщине украинский поэт и писатель Сергей Жадан, который в романах *Денеш мод* (2004), *Anarchy in the Ukr* (2005), *Гимн демократической молодежи* (2006), *Ворошиловград* (2010) изобразил восточноукраинское население как субъектов желания делёзовского типа, т.е. как машины желания, которые характеризуются 1) отсутствием референции к инстанции значимого другого (фигуре т.н. большого Другого) («Моя б воля, - формулирует в те годы эту позицию Жадан, – я построил бы какую-нибудь идеальную Китайскую народную республику, да,

чтобы Китай, но без пидараса Мао»⁴⁷) и 2) функционированием в режиме аффектированной телесности, не позволяющей состояться структурам седиментированной субъективности (т.н. телу без органов) (герои романов Жадана практически не выходят из состояния алкогольного и наркотического опьянения, т.е. состояния аффектированной чувственности, в котором они выступают субъектами аффекта политического). Парадокс в том, что, с одной стороны, можно прочесть эту аффективную активность в терминах деградации политики, т.е. деполитизации, с другой стороны, в делёзовских терминах – как форму сверхполитизации номадической субъективности: ведь сам шизоидный ритм жизни описанного Жаданом восточного населения Украины является настолько антифашистским и протестным, что несет непрерывную угрозу репрессивным властным режимам украинского постсоветского капиталистического общества.

Однако в ситуации современного этапа националистической революции в Украине, легализовавшего ультраправые и ультранационалистические политики, этот делёзовский номадический дискурс, ассоциирующийся с левыми и анархистскими политиками, не может состояться как гегемонный. Признав легальность нового ультранационалистического порядка власти, маркирующего критическое мышление в терминах «национального предательства» и «государственной измены», Сергей Жадан, вынужден отречься от людей своей «малой родины» и их делёзовского анархизма и безкомпромиссно перейти на сторону новой государственной власти. Если раньше Жадан утверждал: «демократия мертва», то теперь он отстаивает значимость «вещей, связанных с флагом, с гимном»⁴⁸ и занимает активную этактистскую позицию.⁴⁹ Соответственно в его недавнем романе *Интернат* (2017) восточнукраинская субъективность в зоне АТО, на первый взгляд, представлена как недифференцированно номадическая – потоки переселенцев, беженцев, парамилитарных формирований без опознавательных шевронов и т.п. где, на первый взгляд, невозможно проследить классическую дихотомию политического «друг»/«враг», постепенно проступает все более четкое бинарное деление на «наших» – тех, кто встал под украинские государственные знамена, и «не-наших» – тех, кто их предал. Государственный закон для Жадана, ранее утверждавшего, что «парламент куплен, президент куплен – у тебя нет президента... национального возрождения не бывает! им просто хочется тебя повесить!»⁵⁰ неожиданно стал «своим», «нашим» («Украина – это прежде всего украинский закон и украинская конституция»⁵¹ формулирует теперь Жадан), а его бывшие друзья – «чужими», «конкретными врагами», нарушающими законы «нашего» государства. В отличие от антимилитаристски настроенного главного персонажа романа

учителя Паши, который утверждает: «Против меня никто не воюет», «Я ни за кого. [...] Я не знаю, кто стреляет».⁵² Жадан неожиданно для своих анархистских луганских друзей, безбашенных алкоголиков, обнаруживает смысл этой войны – это убийство бывших друзей, ставших «конкретными врагами», не пожелавшими подняться на уровень государственного национально-сознательного мышления и не сумевших отказаться от их врождённого номадического, ранее Жаданом прославляемого, «похуизма». «Война, – как убежден Жадан, – завершится нашей победой»,⁵³ т.е. победой тех восточнукраинских субъектов, жизни которых, по формуле Батлер, могут быть признаны как жизни и заслуживают скорби, в отличие от жизней тех неантропологических существ, которые остались номадическими бывшими друзьями писателя и поэтому не могут быть признаны как жизни, достойные того, чтобы их прожить.

В философии Батлер такое деление жизней на те, которые признаются жизнями и те, которые нет, рассматривается как эффективный ресурс так называемой секьюритарной мобилизации, в процессе которой современные глобальные нелиберальные государства, функционирующие как секьюритарные режимы, мобилизуют и рекрутируют имплицитно уязвимое население таким образом, что оно не может не поддерживать политики государственного насилия, использующие приманку избавления населения от «бытия под угрозой» и обещая ему защиту индивидуальных прав и свобод.⁵⁴ Опасность заключается в том, предупреждает Батлер, что под предлогом защиты индивидуальных прав и свобод нелиберальные секьюритарные режимы могут мобилизовывать население для того, чтобы рационализировать войны и оправдывать расистские антииммиграционные политики,⁵⁵ в том числе расизм в отношении гастарбайтеровских потоков населения из провозгласившей себя Европой Украины.

Особенность современного этапа украинской националистической революции, в отличие от украинской националистической революции 30-40-х годов 20 века, заключается в том, что она осуществляется в условиях глобальной секьюритарной мобилизации, стимулирующей рост ультраправых и ультранационалистических политик.

В то время, когда наши патриотически мыслящие сограждане наконец преодолели комплекс раба как субъекта выживания и стали рисковать своими жизнями в войнах, что традиционно было присуще в представлении Гегеля только «господам», а женщины при этом наконец смогли научиться преодолевать комплексы гендерной рабской морали, перформируя роли милитаристских, не уступающих советским военным «героиням», лидеры ЕС, наоборот, приняли ценности выживания, традиционно присущие

рабу (ценности собственной безопасности и потребительского комфорта, названные когда-то Д. Донцовым «хуторянским национализмом»). В эпоху современного транснационального капитализма длительность и консьюмеризм жизни («национальное хуторянство») становится основной ценностью и главным товаром для бывшего гегелевского «Господина».

Поэтому руководство ЕС, стремясь сохранить свой демократический статус и своё качество «открытого общества», приглашает украинцев в Европу в качестве туристов по безвизу (также как и пропагандируют лозунги «иммигранты welcome»), как бы подтверждая тем самым их новый статус ультраправых «господ» (в отличие от российских «не мытых рабов»), но одновременно обещает им только «грядущий союз», подчеркивая, что Украина не имеет никакого отношения ни к Евросоюзу, ни к НАТО)⁵⁶ и допуская их только в качестве «рабов»-гастарбайтеров в странах своей периферии. Представители ЕС и НАТО заявляют, что их двери открыты для новых членов, в том числе Украины. Но вот только Украина пока не готова: ей, по мнению представителей ЕС, мешают коррупция, несоблюдение свободы слова и др. И степень этой неготовности возрастает. Поэтому что касается Евросоюза, то вступление в него Украины в Брюсселе считают нереалистичным, по крайней мере в ближайшие годы. А генсек НАТО Йенс Столтенберг (активный проводник политик гендерного равенства) советует Киеву пока что сконцентрироваться на «модернизации оборонных институтов, борьбе с коррупцией и усилении демократии».⁵⁷

В качестве альтернативы ЕС и НАТО западные политики предлагают Украине отказаться от желания во что бы то ни стало реализовать свое стремление в Европу и попытаться следовать своим собственным, особым путем,⁵⁸ который хотя и является движением прочь от авторитарной и недемократической России, но не предполагает становление Украины Европой (вопреки популярному лозунгу украинских националистических революций «Украина – это Европа») или рассматривает это движение как «незавершенный проект» в ситуации логической неразрешимости.

Как долго украинские политики-еврооптимисты смогут выдерживать этот предлагаемый им новыми, постдемократическими «Господами» режим негативного мессианизма (В.Беньямин), помещающий их в ситуацию принятия решений в ситуации неразрешимости? Ведь гегемонный политический дискурс в современной Украине – дискурс ультраправых – решительно не приемлет ситуацию «рабского» необладания как онтологический статус политической субъективности.

В то же время в результате двух последних революций в Украине («Оранжевой революции» и «Революции достоинства») украинским органи-

ческим интеллектуалам удалось обрести статус первостепенности по отношению к русской культуре (в отличие от давнего травматического комплекса «второстепенности» («двурядности»). В частности, украинским писателям наконец-то удалось победить своего главного врага – русскую литературу. Во-первых, они одержали экономическую победу над русскоязычными писателями-конкурентами, т.к. ввоз в Украину российских книг количеством больше 10-ти сегодня законодательно запрещен, поскольку российские книги, по словам О. Забужко, стали орудием ФСБ и превратились в «источник (или разносчик) в первую очередь токсичной, отравленной информации».⁵⁹ А, во-вторых, мобилизационный потенциал украинских публичных интеллектуалов оказался несоизмеримо мощнее, чем у современных российских писателей и поэтов. Например, когда в ходе так называемой «Снежной революции» 2011-2013 гг. российские писатели и поэты (такие как Б.Акунин, Д. Быков, Л.Рубинштейн и др.) попытались провести антипутинскую политическую мобилизацию, им удалось мобилизовать только незначительную часть российского населения, принадлежащую к так называемому «среднему классу» крупных городов (так называемому прекариату). В отличие от российских публичных интеллектуалов, украинским в ходе националистических революций 2004 и 2013/14 удалось сформировать широкую цепь эквивалентностей во всей стране и реализовать то аффективное измерение политического, которое в России могут задействовать только массмедиа. В результате, если в России протестный потенциал оказался ослабленным и деполитизированным (уступив место, например, политической мобилизации народонаселения футболом), то в Украине он продолжает оставаться неиссякаемым – новые волны майданов (автомайданы, Михо-майданы и др.), непрерывные подрывные акции различных ультраправых активистов, парамилитарных формирований и др. Тем самым националистическая революция непрерывно продолжается в Украине фактически с начала 21-го столетия как проект негативной революции, выступающей уже не с партикулярными требованиями «национальной независимости», «национального возрождения» и т.п., а оперирующей универсальными пустыми означающими – «Свобода», «Достоинство» и т.д. Не можем ли мы поэтому предположить, что в Украине сегодня осуществляется проект перманентной националистической революции, который не удалось реализовать в свое время ни большевикам, ни сторонникам концепции «консервативной революции»?

¹ Приказ министерства обороны Украины № 292, 29.05.2017 «Про заміщення в мирний час окремих військових посад у Збройних Силах України цивільними особами».

- ² См. Олійник Євгенія. «Від «Жіночої сотні» до «Невидимого батальйону»: як воюють українки» *Радіо Свобода*, 4.12.2015 <https://www.radiosvoboda.org/a/27407511.html> См. також фб сторони сообществ «Жіноча сотня» <https://www.facebook.com/zhinocha.sotnya/> и «Невидимий батальон» <https://www.facebook.com/InvisibleBattalion/>
- ³ См. Women's international league for peace and freedom. A short introduction <https://wilpf.org/wilpf/who-we-are/>
- ⁴ См. Берлінська Марія. «Міжнародна конференція в Одесі –Women in War, день другий», <https://www.facebook.com/masher.berlinska/posts/1866662406692277?pnref=story>
- ⁵ См. сайт Центра Розвитку Демократії: «Звіт за проведення міжнародної конференції «Гендер у революції, війні та миробудуванні»» <http://ddcentr.org.ua/ua/projects/konferentsiya-gender-u-revoljutsiji-vijni-ta-mirobuduvannikh/153-zvit-za-provedennya-mizhnarodnoji-konferentsiji-gender-u-revoljutsiji-vijni-ta-mirobuduvanni.html>
- ⁶ Гриценко Ганна, Квіт Анна, Марценюк Тамара. «Невидимий батальйон»: у часті жінок у військових діях в АТО (соціологічне дослідження), с. 76. http://ekmair.ukma.edu.ua/bitstream/handle/123456789/7746/Martsenyuk_Nevydymyi_bataloin.pdf
- ⁷ См., например, «В Україні змінюють гендерний підхід у секторі безпеки та оборони», *Громадське радіо*, 28.10. 2016 <https://hromadskeradio.org/ru/programs/prava-lyudynu/v-ukrayini-zminuyut-gendernyy-pidhid-u-sektori-bezpeky-ta-oborony>; Програма міжнародного навчального семінару «Впровадження національного плану дій «Жінки. Мир. Безпека» <http://ddcentr.org.ua/ua/about/news/169-programa-mizhnarodnogo-navchalnogo-seminaru-vprovadzhennya-natsionalnogo-planu-dij-zhinki-mir-bezpeka.html>
- ⁸ См. Zaharijević Adriana, Gordana Subotić. “Justice comes after the war? War related sexual violence and legal nationalism in four countries of former Yugoslavia”, *Критика феміністична*, №1, 2018, с.95-99.
- ⁹ См. Туз Ирина. «НАТО і солдати у спідницях», *Радіо Свобода*, 9.03.2010 <https://www.radiosvoboda.org/a/1979103.html>, Івасик Станіслав. «Кількість жінок в армії України зросла до показників країн-членів НАТО», *Грушевського 5*. 6.03.2017 <http://grushevskogo5.com/blog/kilkist-zhinok-v-armii-ukraini-zroslo-do-pokaznikiv-krain-chleniv-nato/>
- ¹⁰ Гегель Г.В.Ф. *Феноменология духа*. Пер. Г.Шпета. Гегель Г.В.Ф. *Сочинения, т. IV*. (М.: АН СССР, Институт философии, 1959), с. 106.
- ¹¹ Там же, с. 103.

- ¹² Там же, с. 105.
- ¹³ Украинское козачество на службе Речи Посполитой («реестровое козачество») представляло, по словам историка украинского козачества А. Сокирко, своеобразный «налог кровью» в качестве немого войска, благодаря которому козачество освобождалось от остальных налогов и повинностей. Сокирко Олексій. *Лицарі другого сорту. Наймане військо Лівобережної Гетманщини 1669-1726 рр.* (Київ: Темпора, 2006), с. 53.
- ¹⁴ См. Norval Aletta. *Aversive Democracy: Inheritance and Originality in the Democratic Tradition* (Cambridge: Cambridge University, 2007), p. 20-26.
- ¹⁵ Батлер Джудит, Спивак Гайятри Чакроворти, «Кто воспевае нацию-государство? Язык, политика, принадлежность», *Гендерные исследования*, № 18, 2008, с. 122.
- ¹⁶ Norval Aletta. *Aversive Democracy*, p. 44.
- ¹⁷ См. Кожев Александр. *Введение в чтение Гегеля*. Перевод с французского А.Г.Погоняйло (СПб: Наука, 2003), с. 17-38; Лакан Жак. *Семинары. Книга 1: Работы Фрейда по технике психоанализа (1953/54)*. Пер. с фр. М. Титовой, А. Черноглазова (М.: ИТДГК «Гнозис», Изд-во «Логос», 1998), с. 292-294.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Zizek Slavoj, “Enjoy Your Nation as Yourself”, *Tarrying with the negative* (Durham: Duke University Press, 1993), p. 202.
- ²⁰ Шекспир Уильям. «Кориолан», Акт 5, сцена 5.
- ²¹ Zupancic Alenka. *What IS Sex?* (Cambridge, Massachusetts, London: Mit Press, 2017), p. 22.
- ²² Шекспир Уильям. «Кориолан», Акт 5, сцена 5.
- ²³ См. Забужко Оксана. *Notre Dame D'Ukraine: Українка в конфлікті міфологій* (Київ: Факт, 2007), с. 325, Зборовська Ніла. *Код української літератури. Прект психоісторії новітньої української літератури* (Київ: Академвидав, 2006), с. 92.
- ²⁴ Андрухович Юрий. «Интервью «Бульвару Гордона»», 8.9.2015 http://bulvar.com.ua/gazeta/archive/s88_/patriarh-sovremennoj-ukrainskoj-literatury-jurij%C2%A0andruhovich-%C2%ABbratanie-mezhdu%C2%A0narodami-nikogdanichego-horoshego-ne%C2%A0predvshchaet-osobenno-esli%C2%A0rech-zahodit-ob%C2%A0ukraintsah-i%C2%A0rossijanah.-mne%C2%A0kazhetsja-m.html

- ²⁵ См. «Протокол допиту членів Українського національного комітету та С.Бандери німецькою адміністрацією Генерал-губернаторства 3.07.1941 р.»: «Бандера: Уже 20 лет и до сегодняшнего времени украинцы ведут войну против большевизма, а именно в революционной форме. ... В этой борьбе ОУН всегда стремилась найти единомышленников и союзников в великой борьбе против Польши и России... Великогерманская власть, а именно национал-социалистическая власть является главным союзником и в этом случае как раз тем, кто до сегодняшнего дня всегда стоял на нашей стороне». *ОУН в 1941 році, Документи. В 2-х ч. Ч.1*, Упорядники О.Веселова, О.Лисенко, І.Патриляк, В. Сергійчук. Відп. ред. С. Кульчицький (Київ: Інститут Історії України НАН України, 2006), с. 278.
- ²⁶ См. Жеребкина Ирина. *Женское политическое бессознательное* (СПб: Алетейя, 2002), с.170-180.
- ²⁷ Донцов Дмитро. *Націоналізм* (Київ: Видавництво партії «Свобода»), с. 98
- ²⁸ Донцов Дмитро. *Дух нашої давнини*. Друге видання (Мюнхен, Монреаль, с. 1951), с. 234.
- ²⁹ Там же, с. 128-129.
- ³⁰ Там же, с. 234.
- ³¹ Донцов Дмитро. *Націоналізм*, с. 82, 101.
- ³² *Самостійна Україна*. Станіславів, 10.07.1941, ч.3.
- ³³ «Українська держава творилася в підпіллі», *Вікна*, 25.06.2005 <http://vikna.if.ua/news/category/705/2005/06/25/1828/view>
- ³⁴ *ОУН в 1941 році. Документи. В 2-х ч. Ч.1*, с. 275.
- ³⁵ Вудс Роджер. «Консервативная революция: зарождение. Консерватизм или «неизъяснимое» в убеждениях: чем утверждался фашизм?» <http://gefter.ru/archive/18362>
- ³⁶ Батлер Джудит. «Ну, и чего вам надо? И куда это идет?» Пер. с англ.. А. Кондакова, *Неприкосновенный запас*, №88 (2/2013).
- ³⁷ См. Бивор Энтони. *Сталинград*, перевод с английского А. Жеребилова, А. Коноплева, А. Марченко. Смоленск: Русич, 1999.
- ³⁸ *Українське слово*. 21.09.1941, число 15, с. 1 <https://libraria.ua/numbers/425/>
- ³⁹ *Українське слово*. 21.09.1941, число 17, с. 2.

- ⁴⁰ Саламанюк Тарас. «Жінки в Українській армії: воювати, але для чого?», *Спільне*, 08.02.2016
- ⁴¹ Zizek Slavoj, “Enjoy Your Nation as Yourself”, *Tarrying with the negative*, p. 202.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Андрухович Юрій. *Московіада*, Андрухович Юрій. *Рекреації. Романи* (Київ: Час, 1997), с.170
- ⁴⁴ Забужко Оксана. *Notre Dame D’Ukraine: Українка в конфлікті міфологій* (Київ: Факт, 2007), с. 500-515.
- ⁴⁵ Дмитро Донцов. *Дух нашої давнини*, с. 282.
- ⁴⁶ См. Ватнік обрацонний: мультфільм Ирены Карпы <https://www.youtube.com/watch?v=90cG9TEA3f0> ;
Ватнік понаєхавший: мультфільм Ирены Карпы <https://www.youtube.com/watch?v=aW7-fPfDnOQ> и др.
- ⁴⁷ Жадан Сергій. *Біг Мак* (Київ: Критика, 2003), с. 99.
- ⁴⁸ См. «Сергій Жадан про новий роман «Інтернат», війну, мир та мову», *Громадське телебачення*, 8.09.2017
<https://www.youtube.com/watch?v=Ekl7Ff7GFVE>
- ⁴⁹ См. Жадан Сергій. «Ніхто нам не завезе ні нових виборців, ні нових політиків», *Українська правда*, 16.04.2018 <http://vybory.prawda.com.ua/articles/2018/04/16/7149599/>
- ⁵⁰ Жадан Сергій. *Anarchy in the Ukr* (Харків: Фоліо, 2005), с. 55-56.
- ⁵¹ Жадан про новий роман «Інтернат», війну, мир та мову
<https://www.youtube.com/watch?v=Ekl7Ff7GFVE>
- ⁵² Жадан Сергій. *Інтернат* (Meridian Czernowitz, 2017), 336 с.
- ⁵³ Жадан Сергій. «Війна завершиться нашою перемогою», *Радіо Свобода*, 07 Лютий 2018 <https://www.radiosvoboda.org/a/29025062.html>
- ⁵⁴ Butler Judith. «Foreword», Lorey Isabel. *State of Insecurity: Government of the Precarious*, Translated by Aileen Derieg. With a Foreword by Judith Butler (London, New York: Verso, 2015), p. ix.
- ⁵⁵ Ibid.

- ⁵⁶ «Украина пока не имеет отношения ни к ЕС, ни к НАТО – Юнкер», *РИА Новости Украина*, 29.08.2017 <https://rian.com.ua/politics/20170829/1027159997.html>
- ⁵⁷ «Генеральный секретарь НАТО Йенс Столтенберг заявил, что двери блока открыты для Украины и Грузии», *ТСН.ua* <https://ru.tsn.ua/politika/dveri-nato-otkryty-dlya-ukrainy-i-gruzii-stoltenberg-1041525.html>
- ⁵⁸ Депутатка Європарламенту Корнелія Ернст: «Європарламент не цікавить українське громадянське суспільство», *Спільне*. 22.12.2017 <https://commons.com.ua/uk/intervyu-z-deputatkoju-uevroparlamentu-kornelijeyu-ernst-ta-bjornom-radjhelyem-uevroparlament-ne-cikavit-ukrayinske-gromadyanske-suspilstvo/>
- ⁵⁹ Забужко Оксана. «Сьогодні не потрібно бомбити міста, досить розбомбити мізки», *Апостроф*, 18.05.2017 <https://apostrophe.ua/ua/article/society/culture/2017-04-18/oksana-zabujko-segodnya-ne-nujno-bombit-goroda-dostatochno-razbombit-mozgi/11737>